

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: «ОДНОЯЗЫЧНАЯ» И «ДВУЯЗЫЧНАЯ» ПРАКТИКИ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ АССИМИЛЯЦИИ

В.М. Алпатов

В любом государстве ведется та или иная языковая политика. Даже если власть не предпринимает каких-либо специальных мер по распространению или подавлению того или иного языка, такое распространение или подавление происходит через политику в области образования, средств массовой информации и др. И всегда языковая политика в том или ином виде осуществляется стихийно, через «экономический оборот», развитие рынка.

Любая языковая политика в современных государствах, где почти никогда не бывает полного языкового единства (даже в государствах, близких к одноязычию, вроде Японии, есть и языки меньшинств, и разные формы существования господствующего языка), связана с взаимодействием двух естественных, но противоположных друг другу потребностей. Назовем их потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания.

Потребность идентичности заключается в стремлении (сознательном или бессознательном) пользоваться в любой ситуации для общения «своим» языком, естественно усвоенным в первые годы жизни. Такой язык называют материнским, или родным (последний термин может иметь и иные значения). Предельный случай удовлетворения потребности идентичности — одноязычие.

Одноязычие имеет ряд преимуществ. Во-первых, усвоение каждого нового языка, особенно сознательное его усво-

ение, требует дополнительных усилий, а способности в обучении чужим языкам у разных людей различны. Есть люди, причем нередко очень способные в других областях, которые совершенно не могут выучить ни один язык, кроме материнского. Во-вторых, человек по-разному овладевает языками в разные периоды жизни. Лишь при употреблении материнского языка или другого языка, освоенного в раннем детстве, человек использует оба полушария головного мозга, дополняющие друг друга. При освоении языка после 5–7 лет доминирует левое полушарие, в результате чего языковая компетенция неизбежно неполна. Даже если у человека более одного материнского языка (например, если родители говорят на разных языках или ребенок воспитывается няней, говорящей не на том языке, что родители), абсолютного равенства языков не бывает, и всегда у человека какой-то язык становится первым, а какой-то — вторым¹.

Наконец, в-третьих, понятие материнского языка имеет и четко выраженный социальный смысл. В большинстве случаев материнский язык — это язык своего этноса, своей культуры. Пользование «чужим» языком легко связывается с ощущением этнической, культурной, а зачастую и социальной неполноценности. Конечно, возможен и компенсирующий фактор — ощущение особой престижности «чужого» языка, скажем, английского или русского.

Потребность взаимопонимания заключается в том, что каждый из участников любой ситуации общения желает без помех общаться со своими собеседниками. Разумеется, понятность языка — необходимое, но не достаточное условие успеха коммуникации, но о других условиях мы говорить не будем.

Обе потребности не противоречат друг другу и автоматически удовлетворяются лишь в полностью одноязычном обществе. Недаром в самые разные исторические эпохи люди мечтали о едином языке человечества и появлялись даже проекты такого языка. Однако пока такая задача нереальна.

Одноязычие свойственно значительной части человечества, примером может служить большинство населения США, говорящее лишь по-английски, и многие жители современной России (как и в прошлом СССР) — носители русского языка. Одноязычие в современном мире обычно связано с двумя противоположными ситуациями. С одной стороны, одноязычны некоторые обособленные народы, не контактирующие даже с соседями, или же наиболее необразованная и угнетенная часть того или иного этноса, прежде всего женщины, живущие в замкнутом домашнем мире. Например, среди испаноязычных пуэрториканцев, живущих в США, знание женщинами английского языка расценивается отрицательно, тогда как мужчины двуязычны. С другой стороны, одноязычна основная масса населения многих развитых стран, построенных по национальному принципу или по принципу “melting pot”. Многие исследователи отмечают распространение в общественном мнении США представления об одноязычии (прежде всего на английском языке) как свойстве культурных и зажиточных людей и связи двуязычия с бедностью и отсталостью².

Однако двуязычие распространено даже шире, чем одноязычие. Иногда даже считают, что двуязычие — норма, а одноязычие — исключение³. В современ-

ном мире социальная мобильность резко возрастает, и ситуация общения между людьми с разным материнским языком становится правилом. К тому же языки могут достаточно сильно варьироваться, и даже одноязычный в традиционном смысле человек может владеть несколькими языковыми образованиями (литературный язык, диалект, сленг и т.д.), различия между которыми могут быть не меньше, чем различия между языками. Двуязычие между диалектом (или просторечием) и литературным языком обычно воспринимается как естественное явление и не приводит к конфликтам, если только языковые различия не совпадают с этническими (скажем, в случае афроамериканского диалекта английского языка, который может рассматриваться как символ национальной идентичности).

Двуязычие имеет разные социальные последствия. Знание иностранного языка чаще всего бывает добровольным: оно может поднять престиж человека, открыть доступ к некоторым профессиям, но не является обязательным условием жизненного успеха. Однако в многонациональном государстве для той или иной части населения (прежде всего меньшинств и иммигрантов) двуязычие вынужденное⁴. Для нее выбор между одноязычием и двуязычием — это одновременно выбор между полноценной жизнью и жизнью в замкнутой общине. Далее речь будет идти лишь о вынужденном двуязычии.

Стратегии общения между носителями разных материнских языков очень разнообразны. В современных обществах, если отвлечься от ситуации с посредником (переводчиком), иногда неobjидимой, но технически не всегда возможной и удлиняющей время коммуникации, таких стратегий три. Это выработка общего контактного языка (пиджина), общение на третьем языке и общение на материнском языке одного из собеседников. Потребность взаи-

мопонимания удовлетворяется частично при первой стратегии и полностью при двух других. Потребность идентичности в основном удовлетворяется при первой стратегии, не удовлетворяется при второй, а при третьей стратегии (например, при общении англоязычного американца с пуэрториканцем в США по-английски или русского с татаринном в России по-русски) возникает несимметричность: потребность идентичности удовлетворяется для одного собеседника и не удовлетворяется для другого.

Понятие пиджина часто связывается исключительно с ныне уже не существующим плантационным типом хозяйства, где рабы с разными материнскими языками стихийно вырабатывали некоторый общий язык. Однако подобные языковые образования формируются и сейчас, прежде всего в сфере торговли, особенно так называемой челночной торговли. Примером может служить образовавшийся в последние годы русско-финский торговый пиджин, словарь которого приведен в работе⁵. Языковая политика обычно прямо не затрагивает такие образования, но они распространяются через меры по развитию торговли. Такие пиджины охватывают не всю систему языка, они включают лишь тот минимум, который необходим для торговой коммуникации.

При второй стратегии сами собеседники равны, но общий для них язык обычно бывает более влиятелен, чем материнские языки собеседников. В колониях — это язык колонизаторов, в бывших колониях — обычно язык бывших колонизаторов, внутри многоязычных государств — чаще всего господствующий (государственный) язык. Наконец, третья стратегия выгодна во всех отношениях для одного из собеседников, но максимально нарушает потребность идентичности для другого из них, что может приводить к «языковым войнам».

При переходе к индустриальному обществу внутри государства неизбежно главной становится потребность взаи-

мопонимания. Средством ее удовлетворения, как правило, является единый государственный язык, реже (Швейцария) несколько таких языков. Происходят (одновременно или с некоторым временным разрывом) два процесса: распространения государственного языка через административные меры и школу (позже и через СМИ) и его кодификации, создания общих для всего государства его норм. Языковая политика с этого времени до наших дней сознательно или бессознательно заключается прежде всего в распространении и поддержании функций государственного языка.

Государственный язык может иметь юридически оформленный статус; классический пример — Франция со времен Великой французской революции. Но это не обязательно: в США на федеральном уровне английский язык (как и любой другой) не считается государственным и лишь в конце 90-х гг. XX в. его статус законодательно оформили в 12 штатах⁶. Тем не менее фактическая роль английского языка в США не отличается и никогда не отличалась от роли французского языка во Франции. А в СССР русский язык официально стал государственным для всей страны лишь в самом конце ее существования: с апреля 1990 г., т.е. тогда, когда его роль стала в ряде республик СССР подвергаться сомнению.

Чаще всего государственным языком становится язык господствующего этноса. Реже — язык социально активного меньшинства (малайский язык в Индонезии, преобразовавшийся в индонезийский). В бывших колониях, особенно там, где нет преобладающего этноса (случай, частый в Африке), такую роль может получить язык бывших колонизаторов. Для носителей государственного языка потребности идентичности и взаимопонимания внутри страны удовлетворяются автоматически. Среди них распространено одноязычие, а двуязычие, если оно есть, чаще бывает доброволь-

ным (или же расценивается как различие вариантов внутри одного языка).

Однако в любой стране есть, хотя и в разном количестве, национальные меньшинства и их языки. Даже в исключительно мононациональной Японии есть более полумиллиона корейцев (из которых, правда, многие перешли на японский язык), а в последнее время к ним прибавились иммигранты из Филиппин, Тайваня и даже Бразилии и Перу. Судьба языков меньшинств различна, но в основном сводится к трем вариантам.

Самый, казалось бы, благополучный вариант — роль регионального языка. Такие языки вполне устойчивы, имеют письменность, используются в разнообразных сферах, могут служить средством межнационального общения, но территориально ограничены и не равны государственному языку. Примерами могут служить французский язык в Канаде, яванский в Индонезии, а до недавнего времени, скажем, словацкий язык в Чехословакии или грузинский в СССР. Они могут быть юридически равноправны государственному языку, но реальному равенства не возникает. Даже в Чехословакии, где в 1918—1993 гг. при всех общественных строях для чешского и словацкого языков соблюдалось юридическое равноправие, образованные словаки были вынужденно двуязычны, но чехи почти никогда не знали словацкого.

В редких случаях все языки государства можно считать региональными. Такое имеет место в Швейцарии, где любые два гражданина разных частей государства имеют право не знать языков друг друга, а в официальных ситуациях требовать переводчика. Однако даже здесь полного равенства языков все-таки нет: 90% документов центральных учреждений пишется по-немецки, лишь 20% столичных чиновников — франкофоны, но и они часто переписываются между собой по-немецки⁷. Два других языка, формально равных немецкому и фран-

цузскому, — итальянский и ретороманский — распространены еще меньше.

Иной случай данного типа представлен в Индии, где также все материнские языки населения страны — региональные. Однако над ними надстраивается английский язык; число его носителей невелико, но лишь он (и совсем малоизвестный санскрит) не привязан к конкретному региону. Поэтому он не может быть устранен из коммуникации (попытка превратить хинди в общий для всех язык в 50—60-е гг. привела к человеческим жертвам и была оставлена).

Языковая политика в отношении региональных языков обычно допускает их использование, в т.ч. официальное, в довольно широких пределах. Но при этом часто оказывается, что национальное меньшинство хочет большего — национальной независимости, при которой региональный язык превращается в государственный. Конечно, языковые проблемы неотделимы от многих других и нигде не выступают в чистом виде, но их роль оказывается существенной. Это происходило, в частности, в СССР во время «перестройки», когда представители национальных элит обличали «языковой геноцид» в СССР и заявляли о вреде двуязычия, на деле добиваясь права не употреблять русский язык. Опыт показывает, что государства с высоким официальным статусом нескольких языков оказываются неустойчивыми. Распались СССР, Югославия, Чехословакия, на грани раскола по языковому принципу Бельгия (где, например, во фламандской части страны уже несколько десятилетий запрещены любые уличные надписи и вывески по-французски), в 90-е гг. едва не распалась Канада. Еще раньше распалась Австро-Венгрия, хотя несколькоми десятилетиями ранее даже Ф. Энгельс считал неизбежной языковую ассимиляцию чехов, словенцев и хорват⁸. В то же время в ряде многонациональных государств (Китай, современная Россия и др.) имеется один государственный

язык, а языки меньшинств имеют права лишь на местном уровне наряду с государственным языком.

Менее благополучный вариант — язык в функции бытового. Их примерами могут служить берберские языки в Северной Африке, саамский в Северной Европе, валлийский в Великобритании (несмотря на все попытки расширить сферу его употребления), бурятский в России. Такие языки могут быть далеки от вымирания и устойчиво передаваться из поколения в поколение, но они ограничены функционально. Среди чисто бытовых, обычно бесписьменных языков есть и языки, имеющие письменность, школьное обучение (обычно не выше начального), а иногда (например, многие языки России) традицию художественной литературы. Однако их носители (все или, по крайней мере, социально активная часть) двуязычны и, говоря в быту на своих языках, в культурных ситуациях обычно переходят на кодифицированный вариант государственного или регионального языка. Такие языки обычно не используются как языки межнационального общения. Роль таких языков сходна с ролью диалектов, да и существуют они чаще всего лишь в виде диалектов. Их кодифицированные варианты (которые были созданы в СССР для большинства таких языков) нередко имеют лишь искусственное существование⁹. Школьное обучение на этих языках, если оно есть, существует в основном как промежуточное, с последующим переходом на государственный язык.

Наконец, третий вариант — вымирание языков. Оно в современном мире связано не столько с гибелью, сколько с ассимиляцией их носителей. Такие языки проходят все стадии пути от однопольного на языке своего этноса через двуязычие к одноязычию на ранее чужом языке. Предпоследний этап перед вымиранием — ситуация «языкового гетто», когда язык еще помнят и иногда говорят на нем с немногочисленными

соплеменниками, но возможности свободного его использования крайне ограничены¹⁰. Языки вымирают при любом общественном строе, и в США в XX в. их вымерло больше, чем в СССР, где предпринимались меры по их сохранению (см. ниже).

В качестве примера можно привести единственный исконный язык меньшинства в Японии — айнский язык. Он был устойчив, пока айны — охотники и собиратели — жили обособленно и почти не контактировали с японцами. Но во второй половине XIX в. японцы начали на Хоккайдо массовую колонизацию айнских земель, и айнский язык стал вытесняться японским. В период японского милитаризма айны были юридически неравноправны с японцами, в некоторые периоды их принуждали учить японский язык, что способствовало языковой ассимиляции. В ходе демократизации при американской оккупации после 1945 г. айнов уравнили в правах. Однако это лишь усилило вытеснение айнского языка, и к 60-м гг. он вышел из употребления. Его последних носителей не стало, видимо, в 90-е гг.¹¹

Устойчивость языка зависит от многих причин, среди которых и количество носителей, и их культурная ориентация, и языковая политика в государстве. Быстрее всего, конечно, вымирают малочисленные языки, но, например, крайне жесткая языковая политика в Великобритании в XVIII и XIX вв. настолько вытеснила ирландский язык английским, что даже в независимой Ирландии он не смог возродиться в качестве средства общения, играя лишь роль национального символа. За XX в. почти исчез достаточно многочисленный идиш и не только за счет физического уничтожения части его носителей: другие его носители (большей частью добровольно) от него отказались. Обычно быстро исчезают материнские языки иммигрантов, стремящихся ассимилироваться (языкам, разумеется, не грозит вымирание, поскольку они со-

храняются в тех странах, откуда они эмигрировали).

В то же время, например, малые языки Дагестана (так называемые одноаульные) достаточно устойчивы, хотя их носители целиком двуязычны и очень часто трехязычны, зная какой-либо из более крупных дагестанских языков и русский язык. Предсказать судьбу какого-либо малого языка часто бывает трудно. Факторы, способствующие его сохранению, могут быть самыми неожиданными. Например, отмечают «мотив бабушки»: женщины, не говорившие на языке своего этноса с детьми, начинают говорить на нем с внуками; «не является ли эта «бабушка» некой постоянной социальной функцией в языковой общности, независимо от поколения?»¹².

Процесс смены языка при любой языковой политике никогда не бывает полностью добровольным. Это относится и к переходу от одноязычия к двуязычию, и к последующему переходу от двуязычия к одноязычию, но уже на другом языке. Даже если нет административных мер, давление оказывает экономическая, политическая, культурная ситуация в стране¹³. Но утеря материнского языка может рассматриваться тем или иным этносом как явление пусть вынужденное, но имеющее свои преимущества. Возникает конфликт, охарактеризованный одним из ирландских лингвистов: то, что хорошо для языков в целом, может быть плохо для их носителей как индивидов, особенно с точки зрения материального благополучия¹⁴. Как указывает Дж. Эдвардс, для многих народов существует болезненная дилемма — либо потерять язык, либо жить отсталой сельской жизнью¹⁵. Он же задает вопрос сторонникам концепций лингвистической экологии: а не надо ли, сохраняя малые языки, учитывать и мнение самих носителей этих языков, которые не всегда желают ими пользоваться?¹⁶

В любом многонациональном государстве возникает иерархия, которая мо-

жет быть представлена в виде перевернутой пирамиды. Обычно она состоит из трех уровней. Верхний слой составляют одноязычные носители государственного языка — так называемые русскоязычные в СССР и в современной России, носители английского языка в США и др. (мы отвлекаемся от возможного знания иностранных языков). Средний слой составляют двуязычные граждане. Внизу находятся одноязычные носители языков меньшинств (или же двуязычные, но не владеющие государственным языком). В некоторых странах (Индия, ряд стран Африки) верхний слой отсутствует, и наверху оказываются двуязычные. Эта иерархия коррелирует с социальной иерархией лишь в одном отношении — нижний слой языковой иерархии имеет и низкий социальный статус. Это либо те, кто заняты в сельском или домашнем хозяйстве, либо неассимилированные иммигранты.

Статус двуязычного населения и государственная политика в их отношении могут быть различными, но определенное их неравенство с верхним слоем может ощущаться и создавать потенциально конфликтную ситуацию. Например, в СССР и этнические русские, и другие русскоязычные за очень редкими исключениями (например, в очень однородной в языковом отношении Армении) не владели языками меньшинств. Эта ситуация сохраняется и в современной России. Однако тем, у кого материнский язык был другой, приходилось жертвовать либо потребностью идентичности, либо потребностью взаимопонимания. Обе категории в советское время исчислялись миллионами, но ситуация не была симметричной. Потребностью взаимопонимания обычно жертвовали бессознательно, не расширяя социальные связи (впрочем, в Прибалтике иногда сознательно отказывались говорить на русском языке даже ценой собственной невыгоды, например, продавцы). Потребностью же идентичности жертво-

вали сознательно. Возможное ощущение этнической и языковой неполноценности компенсировалось престижностью русского языка и возможностями продвижения при его знании. Пока для массового сознания существование единого СССР казалось само собой разумеющимся, освоение русского языка принималось «молчаливым большинством» как если и не лучшая, то, по крайней мере, естественная ситуация. Но в эпоху перестройки скрытое недовольство в области языка вышло наружу. «Языки в контакте легко делаются языками в конфликте»¹⁷.

Государственная политика в отношении языков меньшинств может быть различной: от запрещения и принудительной ассимиляции носителей до культурной автономии и юридического равноправия. Однако государство всегда выступало и выступает в качестве силы, поддерживающей потребность взаимопонимания, стимулируя роль государственного или фактически господствующего языка. Особенно жесткой оказывалась такая политика в XIX в. и в первой половине XX в. Степень жесткости не совпала ни с уровнем развития страны, ни со степенью ее демократичности. Как раз классические страны западной демократии прошли через период крайне жесткой ассимиляторской политики. В Великобритании школьников били за речь на ирландском или валлийском языке. Во Франции с 1794 по 1951 г. запрещалось официальное использование любого языка, кроме французского, а также французских диалектов. В США прямые административные меры не были популярны, но их место не менее эффективно занимала идеология «*melting pot*». Гораздо большие права имели с середины XIX в. языки меньшинств в менее демократичной Австро-Венгрии, в итоге развалившейся. В царской России жесткая ассимиляторская политика (особенно суровая в «либеральное» царствование Александра II) проводилась по отношению к языкам

с достаточно большим количеством носителей, нередко эти носители обладали развитым национальным самосознанием. Поэтому она вызывала особенное недовольство. Впрочем, эта жесткая политика соблюдалась либо там, где власть особо боялась сепаратизма (Польша, отчасти Прибалтика и Закавказье), либо там, где языкам отказывалось в праве на самостоятельное существование (украинский язык рассматривался как диалект русского языка). В отношении «инородцев» Центральной Азии или Сибири не ставился вопрос об их языковой ассимиляции, поскольку считалось, что они еще «не доросли» до этого.

В современных обществах самые грубые методы ассимиляторской языковой политики уходят в прошлое, хотя и в наши дни за разговоры на материнском языке детей бьют в англоязычных школах Кении и даже в школах для индейцев в Канаде¹⁸. Редким исключением до последнего времени была политика Турции в отношении курдского языка. В школах Турецкого Курдистана преподавался лишь турецкий язык, за написание курдского букваря его автор провел четыре месяца в тюрьме, и даже попытка открыть в Швеции курдские школы для иммигрантов вызвала официальный протест турецкого посольства¹⁹. Но и Турция, добиваясь вступления в ЕС, была вынуждена смягчить языковую политику.

Однако отказ от грубых методов языковой ассимиляции не означает ее прекращения. Как отмечала Т. Скутнабб-Кангас, самостоятельная ценность за материнскими языками все равно не признается, они в лучшем случае играют роль инструмента, позволяющего органично освоить господствующий язык²⁰. При грубых методах принуждения меньшинства знали, кто их враг, и спланивались между собой; теперь ясность пропадает, и люди оказываются разобщенными²¹. Жесткие меры оказались эффективными, например, в Ирландии,

но они не могли привести к вымиранию курдского языка. А айнский язык быстро исчез именно после прекращения дискриминации айнов. Также отмечают, что во Франции бретонцы и эльзасцы быстро стали переходить на французский язык с 60-х гг. XX в., когда их языки уже не запрещали²².

Поддержка государством языков меньшинств бывает связана с принципом «разделяй и властвуй». Французы в бывших колониях в Северной Африке поддерживали берберские языки, чтобы не допустить арабизации берберов²³, а в ЮАР при апартеиде специально вводили обучение на материнских языках для африканцев, чтобы они не усваивали языки белых и не объединялись между собой²⁴. Здесь речь не шла о реальной поддержке потребности идентичности.

Единственный широкомасштабный пример языковой политики, в основу которой было положено удовлетворение потребности взаимопонимания, представляет собой политика власти в 20–30-е гг. XX в. в СССР. Органом этой политики, во многом основанной на дореволюционных высказываниях В.И. Ленина, в первые годы после революции служил Народный комиссариат национальностей во главе с И.В. Сталиным, который писал в 1918 г.: «Никакого обязательного «государственного» языка — ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют составу населения данной области, причем соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинства во всех общественных и политических установлениях»²⁵. А партийный деятель Г.Ф. Гринько считал недопустимым насаждение русского языка в армии и требовал, чтобы русские коммунисты, работавшие в национальных районах, добровольно отказались от русского языка, поскольку «пролетариат в области национального вопроса должен быть готов к величайшему самопожертвованию»²⁶.

Были предприняты разнообразные меры для перевода делопроизводства, судопроизводства с русского языка на языки меньшинств, распространения национальных школ и т.д.

Такая политика, конечно, была реакцией на ассимиляторскую царскую политику, вызывавшую протест у многих. Она также вытекала из распространившихся тогда в стране представлений о необходимости строительства на рациональных, научных началах нового общества, учитывавшего интересы простых людей. Влиял и опыт Швейцарии, где не было принудительного внедрения языков. Идеи равенства языков и направленной на его достижение языковой политики поддерживались и русскими коммунистами, и левонастроенными интеллигентами в национальных республиках, и даже частью интеллигентов, не принимавших советский курс в целом. Например, эмигрант Н.С. Трубецкой в 1925 г. одобрял «отказ от русификаторства, органически чуждого исторической стихии России»²⁷.

Единственным фактором, сдерживавшим проведение данной политики, при отсутствии открытого сопротивления казалось недостаточное развитие многих языков, не имевших кодификации, а иногда даже письменности. Была развернута активная деятельность, получившая название языкового строительства. В нем участвовали многие крупнейшие советские лингвисты тех лет. Было создано более 70 новых алфавитов на латинской основе.

Ликвидация неграмотности, рост образования, создание письменностей и норм для десятков языков — все это впечатляло. По мнению одного из западных светологов, даже самый крайний противник советского строя не может не признать эти достижения²⁸. Однако вся эта политика имела лишь частичный успех. В противовес старой политике, игнорировавшей потребность идентичности для многих народов, данная по-

литика объективно игнорировала потребность взаимопонимания, которая, разумеется, стихийно реализовывалась, что создавало расхождение между политикой и жизнью. Крупнейший лингвист Е.Д. Поливанов отмечал: у студентов — коммунистов из национальных республик «в процессе учебы языковое мышление на родном языке не участвовало»²⁹. Учебные предметы они осваивали на русском языке, а материнским языком пользовались лишь на бытовом уровне, не стремясь читать Маркса и Пушкина на языке своего народа. Уровень владения русским языком среди нерусского населения был невысок.

Во второй половине 30-х гг. произошел поворот языковой политики в СССР. И.В. Сталин, когда-то руководивший переводом многих функций языка от русского языка к языкам меньшинств, теперь избрал курс на ускоренную русификацию, во многом на возврат к царской политике, хотя официальные лозунги равноправия языков не изменились. Латинские алфавиты для языков народов СССР были заменены кириллическими, при этом ряд языков лишился письменности. Однако инерция прежней политики отчасти сохранялась, особенно в 40–50-е гг. Максимум русификация достигла при Н.С. Хрущеве, считавшем, что по мере продвижения к коммунизму должны отмирать всяческие различия, в т.ч. языковые; в конце 50-х — начале 60-х гг. почти прекратилось образование на языках меньшинств (исключая лишь языки союзных республик).

Политика в СССР в 20–30-х гг. во многом основывалась на утопических предпосылках и не могла быть полностью успешной. Однако нельзя и говорить о ее полной неудаче, особенно в отношении крупных языков. Например, тот же Е.Д. Поливанов в начале 20-х гг. отмечал, что в самосознании оседлых узбеков не было ничего, кроме места рождения и религии³⁰; в большинстве узбеки были неграмотны, и даже

грамотные читали и писали на арабском, старописьменном тюркском (чагатайском) или русском языке. В результате же политики советской власти к 80-м гг. каждый узбек знал, что он узбек, а грамотность на узбекском языке охватывала большинство этноса. Но результаты таких перемен оказались не теми, которые имели в виду коммунисты в 20-е гг.: объективно развитие ряда языков СССР, начавшееся сверху, стало одним из факторов, способствовавших распаду страны в 1991 г. Об этапах развития языковой политики в СССР подробнее см. в книге³¹.

В последние десятилетия в ряде развитых стран языковая политика стала несколько меняться, что часто интерпретируют как признак перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Больше, чем раньше, допускается использование языков меньшинств, на них развивается школьное обучение, делаются попытки расширить сферы их использования. Во Франции запрет на официальное использование языков меньшинств начал сниматься в 1951 г., а сейчас снят окончательно. В Норвегии саамский язык до 50-х гг. не имел никаких прав, а сейчас появились саамские школы и культурные центры. Где-то языковой плюрализм заходит очень далеко, как в Австралии, где в 1973 г. правительством лейбористов была принята программа всеобщего двуязычия, в целом сохранявшаяся и в последующие годы. Согласно ей каждый житель Австралии должен свободно владеть двумя языками: материнским и иностранным, если он исконно англоязычен, материнским и английским, если он иммигрант или абориген³². Даже в США многие считают, что концепция “melting pot” устарела и уступает место идеем равноценности разных культур и языков. Где-то западные страны реализуют то, что пытались когда-то осуществить в СССР.

Однако нельзя и переоценивать указанные явления. Борьба меньшинств за свои права, поддерживаемая левыми

представителями господствующих этносов, может вызывать и обратную реакцию. Упомянутое выше объявление английского языка государственным в 12 штатах США один из исследователей интерпретирует как консервативную реакцию на расширение официального использования испанского языка³³. По мнению другого исследователя, среди стран английского языка двуязычная идеология победила только в Австралии, а в США и Великобритании она остается одноязычной³⁴. В любом случае суть языковой политики развитых стран не может измениться, поскольку государство заинтересовано в поддержании взаимопонимания между гражданами.

Отстаивание потребности идентичности для национальных меньшинств может идти сверху и даже входить в государственную политику, как в СССР. Однако чаще оно все-таки идет снизу, от более или менее оппозиционных национальных движений. Они либо следят за поддержанием социальной роли своих языков на оптимальном уровне, либо добиваются повышения этой роли, в некоторых ситуациях это выливается в борьбу за независимость. Нередко им приходят на помощь внациональные оппозиционные движения.

Если меньшинство становится большинством во вновь образованном государстве, то функции его языка резко расширяются, а контакты его носителей с носителями прежнего государственного языка резко сужаются. В свою очередь, часть прежде господствовавшего этноса после изменения границ превращается в меньшинство, что порождает новые конфликты. В XX в. процесс образования новых национальных государств наблюдался неоднократно, особенно после первой мировой войны и в 1991 г.

Языковая ситуация могла проходить по-разному. Например, в Финляндии, где и до 1917 г. процент владевших русским языком финнов был невелик, господствующий этнос предпочел забыть

этот язык, а число русских было слишком незначительно, чтобы как-то влиять на положение дел. Но уже в Чехии так называемые судетские немцы, не желавшие стать чехами немецкого происхождения, составили проблему, мирное решение которой оказалось невозможным. Сейчас по-разному дело обстоит в Литве, где русских мало и ситуация, по видимому, развивается по финскому сценарию, и в Латвии и Эстонии, где многочисленно русское население, привыкшее к одноязычию и не всегда желающее ассимилироваться. Другой параметр — отношение к прежде господствовавшему языку этноса, ставшего преобладающим. Чехи отказались от немецкого языка, но ирландцы не отказались от английского. Сейчас на одном полюсе находится Прибалтика, где отрицательное отношение к русскому языку пока что сильно (хотя ситуация сейчас несколько стабилизировалась), а на другом полюсе — Казахстан и Киргизия, где национальная элита во многом русскоязычна, и Белоруссия, где русский язык продолжает господствовать во всех сферах³⁵.

Переход от одноязычия к вынужденному двуязычию — очень болезненный процесс, особенно если люди, не покидавшие место проживания, вынуждаются использовать язык, ранее не обладавший для них престижем. Страдают и потребность идентичности (не всегда можно говорить на материнском языке), и потребность взаимопонимания (новый господствующий язык чаще всего легко не осваивается, особенно средним и старшим поколениями). Выходов может быть четыре. Можно пожертвовать потребностью идентичности и перейти на другой язык, сохраняя материнский язык в семье и в пределах землячества. Можно пожертвовать потребностью взаимопонимания, отказавшись от социальной активности и замкнувшись в национальной общине. Можно сохранить обе потребности ценой отъезда туда, где все говорят на привычном языке. Наконец, можно

боротся за новое изменение государственных границ или хотя бы за равноправие своего языка. Последний из выходов может оказаться недостижимым, а каждый из остальных связан с теми или иными жертвами.

Те же проблемы могут вставать и в периоды национальных конфликтов в рамках существующего государства. Однако если в 1989–1991 гг., а иногда и позже, многим казалось, что по всей территории СССР идут сходные процессы сужения сфер использования русского языка и развития («возрождения», как тогда часто говорили) малых языков, то сейчас очевидно, что в России эти процессы в целом после 1991 г. стали сходить на нет. В начале 90-х гг. национально ориентированные интеллигенты, например, в Калмыкии могли мечтать о ситуации, при которой они будут говорить только по-калмыцки между собой и по-английски при сношениях с внешним миром, не используя русский язык или оставляя за ним роль третьего языка. Но уже к середине 90-х гг. возобновился процесс наступления русского языка на малые языки. Правда, по сравнению с советским временем несколько возросло

образование на языках меньшинств. Однако если в советское время использование этих языков поддерживалось (нередко искусственно) государством, то сейчас вступили в силу законы рынка, которые вообще, как правило, способствуют удовлетворению потребности взаимопонимания, уменьшению языкового разнообразия и распространению крупных языков.

Сейчас много говорят о процессах глобализации, несомненно, усиливающих потребность взаимопонимания. В целом многое, что ранее характеризовало языковую ситуацию и языковую политику внутри государств, переносится в связи с глобализацией на международный уровень. Растет значение мировых языков, особенно английского. Однако глобализация (по крайней мере, в том виде, в каком она существует сейчас) плохо удовлетворяет потребность идентичности для большинства людей (исключая, разумеется, тех, для кого английский язык — материнский). Это может приводить к конфликтам и вообще ставить под сомнение эффективность глобализационных процессов. Но пока от прогнозов в этой области лучше воздержаться.

¹ Edwards J. Multilingualism. London — New York, 1994. P. 3.

² Garcia O. Spanish Language Loss as a Determinant of Income among Latinos in the United States // Power and Inequality in Language Education. Cambridge, 1995. P. 142, 145–146; Loveday L. The Sociolinguistic of Learning and Using a Non-Native Language. Oxford — New York — Toronto — Sydney — Paris — Frankfurt, 1982. P. 8; Skutnabb-Kangas T. Bilingualism or Not. The Education of Minorities. Clevedon, 1983. P. 66; Tollefson J.W. Planning Language, Planning Inequality. New York, 1991. P. 12; Edwards J. 1994. P. 4.

³ Edwards J. 1994. P. 1.

⁴ Skutnabb-Kangas T. 1983. P. 75–80.

⁵ Перехвальская Е.В. Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура : дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2007. С. 261–265. [Perehval'skaja E.V. Sibirskij pidzhin (Dal'nevostochnyj variant). Formirovanie. Istorija. Struktura : dis. ... dokt. filol. nauk. SPb., 2007. S. 261–265.]

⁶ Donahue T.S. American Language Policy and Compensatory Opinion // Power and Inequality in Language Education. Cambridge, 1995. P. 114.

⁷ Laponce J.A. Languages and their Territories. Toronto — Buffalo — London, 1987. P. 176.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений, изд. 2-е. М. Т. 8. С. 84. [Marks K., Jengel's F. Sobraie sochinenij, izdanie 2-e. M. T. 8. C. 84.]

⁹ Бурькин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолнгвистические и собственно лингвистические аспекты. СПб., 2004. [Burykin A.A. Jazyk malochislennogo naroda v ego pis'mennoj forme. Sociolingvisticheskie i sobstvenno lingvisticheskie aspekty. SPb., 2004.]

- ¹⁰ Laponce J.A. 1987. P. 42.
- ¹¹ См. об этом: Алпатов В.М. Япония: язык и культура. М., 2008. С. 116–117. [Alpatov V.M. Japonija: jazyk i kul'tura. M., 2008. S. 116–117.]
- ¹² Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001. С. 284. [Vahtin N.B. Jazyki narodov Severa v HH veke. Oчерki jazykovogo sdviga. Sankt-Peterburg, 2001. S. 284.]
- ¹³ Skutnabb-Kangas T. 1983. P. 66–67.
- ¹⁴ Ahlqvist A. Language Conflict and Language Planning in Ireland // Language Conflict and Language Planning. Berlin — New York, 1993. P. 16.
- ¹⁵ Edwards J. 1994. P. 107.
- ¹⁶ Edwards J. 1994. P. 108
- ¹⁷ Edwards J. 1994. P. 89.
- ¹⁸ Pennycook A. English in the World / The World in English // Power and Inequality in Language Education. Cambridge, 1995. P. 40.
- ¹⁹ Skutnabb-Kangas T. 1983. P. 74, 279–280.
- ²⁰ Skutnabb-Kangas T. 1983. P. 313.
- ²¹ Skutnabb-Kangas T. 1983. P. 314–316.
- ²² Laponce J.A. 1987. P. 60–61.
- ²³ Ross J.A. Language and the Mobilization of Ethnic Identity // Language and the Ethnic Relations. London, 1979. P. 7.
- ²⁴ Trugil P. Sociolinguistic. An Introduction to Language and Society. London, 1983. P. 156 ; Skutnabb-Kangas T. 1983. P. 66–67.
- ²⁵ Сталин И.В. Собрание сочинений. М. Т. 4. С. 70. [Stalin I.V. Sобрание sochinenij. M. T. 4. S. 70.]
- ²⁶ Национальные моменты в партийном и советском строительстве. Харьков, 1923. С. 40. [Nacional'nye momenty v partijnom i sovetskom stroitel'stve. Har'kov, 1923. S. 40.]
- ²⁷ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана (взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. М. : МГУ, 1991. № 4. С. 68. [Trubeckoj N.S. Nasledie Chingishana (vzgljad na russkuju istoriju ne s Zapada, a s Vostoka) // Vestnik MGU, serija 9, filologija. M.: MGU, 1991. № 4. S. 68.]
- ²⁸ Crisp S. Soviet Language Planning. 1917–1953 // Language Planning in the Soviet Union. London, 1989. P. 36.
- ²⁹ Поливанов Е.Д. Родной язык в национальной партшколе // Вопросы национального партпросвещения. М., 1927. С. 114. [Polivanov E.D. Rodnoj jazyk v nacional'noj partshkole // Voprosy nacional'nogo partprosveshhenija. M., 1927. S. 114.]
- ³⁰ Поливанов Е.Д. Проблема латинского алфавита в турецких письменностях. М., 1923. С. 9. [Polivanov E.D. Problema latinskogo alfavita v turezkikh pis'mennostyah. M., 1923. S. 9.]
- ³¹ Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. [Alpatov V.M. 150 jazykov i politika. 1917–2000. Sociolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva. M., 2000.]
- ³² Bullivant V.M. Ideological Influences on Linguistic and Cultural Empowerment: an Australian Example // Power and Inequality in Language Education. Cambridge, 1995.
- ³³ Donahue T.S. 1995.
- ³⁴ Tollefson J.V. 1991. P. 203.
- ³⁵ Подробнее см.: Алпатов В.М. Двадцать лет спустя // Вопросы филологии (в печати). [Alpatov V.M. Dvadcat' let spustja // Voprosy filologii (v pechati).]